

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.3>

Барышников Антон Владимирович

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье автор, опираясь на материалы статистики и архивные данные, рассматривает вопросы социально-экономического развития аграрного сектора одного из регионов Урало-Поволжья в пореформенный период. На примере хозяйства русских крестьян Малмыжского уезда Вятской губернии раскрывается зависимость деревенской жизни от ряда факторов. Рассмотрение русской деревни на микроуровне позволило проследить закономерности межэтнических отношений и их влияние на социально-экономическую жизнь, раскрыло особенности ведения хозяйства крестьянами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/4/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 22-26. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470.3/4)“18/19”

Дата поступления рукописи: 01.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.3>

В статье автор, опираясь на материалы статистики и архивные данные, рассматривает вопросы социально-экономического развития аграрного сектора одного из регионов Урало-Поволжья в пореформенный период. На примере хозяйства русских крестьян Малмыжского уезда Вятской губернии раскрывается зависимость деревенской жизни от ряда факторов. Рассмотрение русской деревни на микроуровне позволило проследить закономерности межэтнических отношений и их влияние на социально-экономическую жизнь, раскрыло особенности ведения хозяйства крестьянами.

Ключевые слова и фразы: пореформенный период; крестьянство; крестьянское хозяйство; земледелие; животноводство; промыслы; мелкотоварное производство; Вятская губерния; Удмуртия.

Барышников Антон Владимирович

*Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко
ariox_v@mail.ru*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Изучение социально-экономической жизни России пореформенного периода занимает важное место в отечественной исторической науке. Влияние Великих реформ Александра II на активизацию модернизационных процессов, на общее ускорение темпов жизни большой страны не подлежит сомнению. Начало полномасштабным преобразованиям положила крестьянская реформа 1861 г., имевшая огромное значение в стране, которая на тот момент была фактически аграрной. Эмансипация крестьянства, составлявшего основную часть населения, запустила механизмы перехода от традиционного общества к индустриальному.

Актуальность работы заключается в том, что ряд аспектов аграрной истории на региональном уровне является малоизученным и представляет интерес для исследователей, что подводит к важности комплексного анализа развития крестьянства с опорой на современные теоретические подходы. История социально-экономического развития крестьянства пореформенного периода является показательным примером влияния микроисторической реальности на ход макроисторических процессов.

Научная новизна. Обращение к истории именно русского крестьянства в рамках региональной истории обусловлено фрагментарностью изучения этого этноса в указанный временной период. Неоднородность природно-географических условий, многообразный состав крестьянского населения, а также взаимодействие и взаимовлияние представителей разных этносов вносили серьезные нюансы в развитие крестьянского хозяйства, что позволяет ставить вопрос о месте и роли русского крестьянского на данной территории.

Целью исследования является изучение русского крестьянства Малмыжского уезда Вятской губернии в пореформенный период в рамках социально-экономического развития в условиях активизации модернизационных процессов.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть социально-экономическое развитие русского крестьянского хозяйства в контексте его комплексного характера, во множественных проявлениях взаимодействия и взаимовлияния его отраслей;
- 2) проследить процессы дифференциации крестьянства в ходе развития капиталистических отношений;
- 3) проанализировать межэтнические взаимоотношения в рамках социально-экономической жизни крестьянства.

Изучение социально-экономического развития русского крестьянства Удмуртии представляется нам невозможным без обращения к обобщающим трудам по аграрной истории пореформенного периода, важное место среди которых занимают работы В. И. Ленина, П. Г. Рындзюнского, И. Д. Ковальченко, А. М. Анфинова [1; 6; 7; 14]. Из относительно современных исследований выделяется монография Б. Н. Миронова [13]. Для нашей работы особое значение имеют труд В. Б. Безгина по истории повседневности русского крестьянства и исследование О. А. Суховой, посвящённое крестьянской психологии [2; 16].

В региональной историографии внимание учёных сосредотачивалось в основном на истории удмуртского крестьянства либо аграрных отношений в целом. Исследования М. М. Мартыновой, М. А. Садакова, Н. П. Лигенко, Л. А. Волковой раскрывают различные стороны социально-экономической истории крестьянства Удмуртии на макроуровне [3; 8; 9; 15].

Источниковой базой исследования послужили опубликованные материалы по статистике крестьянского хозяйства и материалы по описанию промыслов Вятской губернии, собранные губернским статистическим ведомством в последней четверти XIX в., материалы периодической печати, а также документы из фонда Государственного архива Кировской области (ГАКО).

В центре внимания находятся четыре волости Малмыжского уезда Вятской губернии, территория которого относится к современной Удмуртии. Выбранные волости находились в разных природно-климатических зонах, что даёт возможность выявить особенности развития хозяйства. Своей целью мы ставим проведение сравнительного анализа отдельных отраслей и выявление сущности комплексного крестьянского хозяйства,

под которым понимаем сочетание земледелия, животноводства и промыслов. Стоит отметить, что население волостей отличалось полиэтничным составом. В данном контексте русское крестьянство рассматривается во взаимодействии с другими этносами.

Малмыжский уезд находился в южной полосе губернии, которую река Вятка делила на две неравные части – северную по левому берегу реки и южную по правому берегу. Северная (Завятская) часть занимала 3/6 площади уезда и отличалась лесистой местностью с редкими вкраплениями крестьянского землевладения. Мозаичность в концентрации крестьянских хозяйств была связана с качеством почв, которые относились к лучшим на территории уезда, что привлекло сюда переселенцев – русских [11, с. 2]. Южная (Предвятская) часть занимала 1/6 уезда и представляла собой практически сплошную площадь общинного землевладения. Стоит отметить, что в пользовании крестьян уезда находилось 45,23% земли, основная же часть – 51,18% – принадлежала казне [Там же, с. 5].

Русское население численно преобладало над представителями других этносов уезда. Селились большей частью обособленно, приблизительно 1/3 из них с удмуртами и марийцами. 4/7 удмуртского населения жили вместе с русскими. Марийцы и татары проживали преимущественно моноэтническими группами. Из рассматриваемых нами волостей Малмыжского уезда русские жили по соседству с татарами в Усадской волости. Совместно с марийцами селились в Малмыжской, а вместе с удмуртами в Сюмсинской и Большеучинской волостях, причём в последней удмуртское население численно превосходило русское [12, с. 74].

Население самой северной волости уезда, Сюмсинской, составляли русские и удмуртские государственные крестьяне. Из 1393 дворов 883 принадлежали русским, всего в них проживало 5263 крестьянина обоего пола (60% от всего населения волости) [Там же, с. 8-13]. Ситуация с преобладанием русских развивалась постепенно, до их переселения из Нолинского, Уржумского и Глазовского уездов удмурты преобладали [Там же, с. 3]. Во второй половине XIX в. часть удмуртов переселилась со своих мест, образовав новые починки.

Сельскохозяйственные угодья (пашня, выгоны, лес, сенокос) русских крестьян находились в общинной собственности, из 15 539,6 десятины удобной земли 8 135,3 десятины (52%) было отведено под пашню. В среднем размер земельного надела русских составлял 18,4 десятины на двор, что выше средних показателей по Удмуртии и России, но ниже, чем размер надела удмуртских крестьян волости – 24,7 десятины [Там же, с. 8-13]. Преобладали средние зажиточные хозяйства, с колебанием наделов от 10 до 25 десятин, их доля составляла 62% [Там же]. Безземельные дворы составляли 1%, а дворы, наделённые свыше 50 десятин земли, – 1,3%. Исходя из этого, можно сделать вывод о невысокой степени экономического расслоения.

Несмотря на то, что хозяйственное положение крестьян Сюмсинской волости было довольно устойчивым и стабильным, ими предпринимались попытки сделать его более благоприятным. В парадигме экстенсивного развития аграрного сектора экономики одним из основных способов улучшения выступало расширение площади пахотных земель. Так, в декабре 1880 г. крестьяне селений Гурклуда и Кучья подали прошение о прирезке в дополнительный надел их селениям из свободных казённых земель до 641 десятины, а именно: первому селению – 55,96 десятины расчисток и 273 десятины леса и второму – 54,71 десятины расчисток, а также 250 десятин леса. Земство оценило существующие наделы как значительные по размерам и плодородные, а также отметило, что они являлись самыми урожайными по волости [5, д. 108, л. 2]. В итоге крестьянам было разрешено прирезать земли из свободных новинных земель, составлявших расчистку, но отказать в прирезке участка из казенной лесной дачи.

Системой полеводства было трёхполье, распространённое среди всех русских крестьян уезда. Особенностью, отличавшей Малмыжский уезд, было отношение русских и удмуртских крестьян к удобрению почвы. В отличие от удмуртов Глазовского, Сарапульского и Елабужского уездов малмыжские удмурты вывозили навоз на поля чаще русских крестьян, и сам процесс удобрения был более тщательным [11, с. 70-71]. Одним из возможных объяснений данного явления могла быть приверженность удмуртского населения к двупольной системе. Стоит отметить, что под давлением русских соседей они всё же переходили к трёхпольной системе [Там же, с. 58].

Животноводство русских крестьян волости находилось на довольно высоком уровне: 830 дворов (94%) обладали коровами; хозяйств, не имевших скота, было всего лишь 26 (3%) [12, с. 8-13]. Преобладали дворы с двумя лошадьми – 42%, значительную долю составляли крестьянские хозяйства с одной лошадью – 33,5%. Существовали дворы с тремя (12,4%), четырьмя (4,5%), пятью (1,1%) и даже шестью (0,5%) [Там же]. Наличие богатых скотом дворов указывает на процессы экономического расслоения русского крестьянства, однако значительно превышающая доля средних хозяйств говорит о стабильной ситуации в деревне.

Внеземледельческие занятия среди русских крестьян волости носили вспомогательный характер. Местными промыслами занимались 360 крестьян в 301 дворе [Там же]. Преобладающим был лесной, которым было занято 165 дворов. Его широкое распространение было обусловлено природно-географическими факторами – практически вся территория уезда была покрыта лесами, 9/10 которых составляли строевые породы.

Кустарные промыслы охватывали 131 двор [Там же]. Они были в основном связаны с деревообработкой, в частности, широкое распространение получило мебельно-столярное дело [10, с. 34]. В Сюмсинской волости 9 человек занималось плетюшечным промыслом. Следует отметить, что в первые пореформенные десятилетия в целом в уезде он не имел широкого распространения (занято было всего 14 крестьян), однако в последние 20 лет XIX в. промысел стремительно развивался. Он приобрёл товарный характер, принося солидную прибыль изготовителям – дневной заработок плетюшечников составлял не менее 30-40 копеек, а годовой колебался от 30 до 40 рублей [Там же, с. 185].

Отхожий промысел в Сюмсинской волости не получил широкого распространения, им занимались лишь 10 русских крестьян [12, с. 8-13]. Данное явление было обусловлено крупным размером земельного надела и высоким уровнем животноводства, вследствие чего крестьянам не было нужды уходить из деревни на заработки.

Малмыжская волость, находившаяся в южной части уезда, была разделена рекой Вяткой на две части и располагалась близко к центру уезда, что наложило свой отпечаток на хозяйственную жизнь русских крестьян. Из 1117 дворов – 889 принадлежали русским и 228 – марийцам; все крестьяне относились к разряду государственных [Там же, с. 116-121].

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, из 16 897,3 десятины удобной земли – 9 103,3 десятины было отведено под пашню. Средний размер надела русских крестьян равнялся 20,6 десятины, марийских – 25,5 десятины [Там же]. Преобладали средние, зажиточные хозяйства, доля которых составляла 50%, при практически равных показателях безземельных и многоземельных хозяйств (50-100 десятин) – 2% и 1,9% соответственно [Там же]. Малоземельные (до 10 десятин) и богатые хозяйства (25-50 десятин) также находились в «равновесии» – 23% и 22% соответственно. Данные цифры рисуют картину более глубокого экономического расслоения в Малмыжской волости, чем в рассмотренной выше Сюмсинской.

Животноводство здесь развивалось такими же темпами, что и в Сюмсинской волости, с той лишь разницей, что в Малмыжской преобладали однолошадные хозяйства (40%), тогда как дворы с двумя лошадьми составляли вторую по размерам долю (38%) [Там же]. Хозяйств с тремя (9,4%), четырьмя (1,7%), пятью (0,2%) и шестью (0,3%) лошадьми было относительно немного. В 791 дворе (89%) имелись коровы, а хозяйств, не имевших скота вообще, насчитывалось 50 (5,6%). Своим скотом обрабатывали землю 779 дворов (87%). Исходя из этих данных, можно сделать вывод о стабильной ситуации в данной отрасли русского крестьянского хозяйства.

Что касается промыслов, в Малмыжской волости из 544 русских крестьян было занято 498. Преобладающим местным внеземледельческим занятием являлась поденщина (404 человека), на дневные работы уходили в том числе и в уездный центр – город Малмыж [Там же]. Отхожими же промыслами занимались исключительно русское крестьянство – всего 35 человек [Там же]. Марийцы, имевшие в среднем больший земельный надел, при полном отсутствии безземельных дворов, могли обеспечить свои нужды за счёт земледелия, в то время как русские вынуждены были уходить на заработки. Основным занятием русских отходников являлось бурлачество на реке Вятке с развитым речным транспортом.

Несмотря на благоприятную ситуацию в отраслях сельского хозяйства, русские крестьяне волости обращались к промысловой деятельности, на развитие которой здесь оказали ощутимое влияние капиталистические процессы (развитие мелкотоварного производства и реализация продукции промыслов на рынке) и модернизация (развитие промышленности – рост речного транспорта и судоходства в целом).

Усадская волость располагалась в самом юго-восточном углу Малмыжского уезда. Подобно Малмыжской волости, она делилась рекой Вяткой на две части – западную, суглинистую и совершенно безлесную, и восточную – песчаную, с большим количеством лесов [11, с. 78-82]. Население составляли русские и татарские государственные крестьяне, из 2141 двора – 1414 принадлежали русским [12, с. 158-163].

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, из 23 746,4 десятины удобной земли под пашню русское крестьянство отвело 11 701,1 десятины. Средний надел составлял 17,9 десятины, что было меньше, чем в ранее рассмотренных волостях, но выше, чем у соседей татар, чей надел в среднем равнялся 13,3 десятины [Там же]. При этом безземельным был лишь один татарский двор, в то время как русских дворов без надела насчитывалось 104 (7,3%). Однако преобладающими были средние зажиточные хозяйства, составлявшие 49% [Там же].

Животноводство развивалось относительно более низкими темпами – 77% русских хозяйств обладали коровами, 15% дворов вообще не имели скота. Преобладали дворы с одной лошадейю – 58%, двумя лошадьми владели 12% [Там же]. Доля хозяйств с 3 и более лошадьми была ничтожно мала. Своим скотом землю обрабатывали 1 035 дворов (73%). Одной из причин невысоких темпов развития скотоводства послужили природно-климатические условия, обусловившие отсутствие большого количества лугов для выгона.

В данном контексте интересна ситуация, сложившаяся в селе Кулыги. Ещё в 1892 г. Малмыжское уездное земство обратило внимание на необходимость осушки кулыжских болот. Местные крестьяне пытались произвести процедуру самостоятельно, но у них не хватало средств. Губернское земство изучило проблему и составило в 1899 г. план и смету для проведения необходимых работ. Нужно было получить лишь согласие крестьян, что считалось формальностью, так как земству представлялось логичным одобрение проекта местными жителями, которые получили бы не только помощь в работе, с которой не могли справиться, но и 200 десятин лугов на месте осушенных болот. Однако крестьяне отказали, мотивировав это так: «Никакого нам ключа не надо, колодцы у нас есть, а вода озерная, а болота созданы Господом-Богом; захочет – так сами просохнут, а не захочет – на то его воля. Наши деды и отцы пили воду из болота и, слава Богу, прожили свой век, и мы проживём по-ихнему» [4, с. 2].

Оказалось, что крестьяне боялись в случае осушки болот получить новые казенные и земские сборы, так как земля под болотом считается неудобной, а превращённая в луга сразу попадёт под обложение. Боялись также, что казна заберёт благоустроенные земли себе [Там же]. Недоверчивость крестьян объяснялась естественным желанием не совершать лишние траты, обезопасить себя от контактов с условной властью, которая, по их представлениям, не могла принести пользу крестьянам без пользы для себя.

В условиях невысокой развитости традиционных для крестьянства отраслей – земледелия и животноводства – более широкий охват имели внеземледельческие занятия. Местными промыслами занимались

645 русских и 426 татарских крестьян, при этом преобладающим среди русских были кустарные промыслы, тогда как татары шире были вовлечены в подённые работы [12, с. 158-163]. Тёплый климат стал одной из причин развития в волости садоводства, центром которого являлась деревня Киняус. Разведение фруктовых деревьев началось в 1869 г., выращивали преимущественно яблони, реже – сливы, а также кустарниковые – малину, смородину и крыжовник [11, с. 81]. Продукты садоводства реализовывались на рынке – в Вятской поляне 1 фунт яблок продавали за 2-8 коп.

Развитие отхожих промыслов шло здесь тем же путём, что и в Малмыжской волости: из 245 русских отходников 231 человек занимался бурлачеством [Там же].

Территория Большеучинской волости, располагавшейся в восточной части Малмыжского уезда, практически полностью была отведена под крестьянское землевладение, лишь в юго-восточной окраине, по низовью реки Сюги, имелись два участка земли, не принадлежавшей крестьянам [Там же, с. 39]. Здесь, как и в Сямсинской волости, население составляли русские и удмуртские государственные крестьяне, однако удмурты преобладали – из 1737 дворов только 742 принадлежали русским [12, с. 74-79].

Сельскохозяйственные угодья находились в общинной собственности, из 17 139,1 десятины удобной земли 7 502,1 десятины русские крестьяне отвели под пашню. Несмотря на то, что в руках коренного удмуртского населения было сосредоточено больше земли, средний размер надела был практически равным – 24,1 десятины у русских и 24,9 десятины у удмуртов [Там же]. Доля средних зажиточных хозяйств составляла 50%, при значительном количестве в волости богатых дворов с наделом от 25 до 50 десятин (44%) [Там же]. Незначительное количество безземельных (1,3%), малоземельных (1,8%), равно как и многоземельных – от 50 до 100 десятин (1,7%), хозяйств говорит о невысоком уровне экономического расслоения русского крестьянства.

Животноводство волости находилось на высоком уровне – 727 дворов (98%) имели коров, 353 двора (47%) имели 2 лошадей, при этом доля дворов с одной лошадью также была значительна – 29% [Там же]. Хозяйств, не владеющих скотом, было всего 0,5%. Учитывая, что доля богатых хозяйств, имевших 3 и более лошадей, была незначительной, стоит говорить о главенствующей роли средних зажиточных крестьян.

Внеземледельческие занятия в Большеучинской волости не получили распространения. Местными промыслами занимались 55 человек, а отходничеством не занимался никто [Там же]. Данное обстоятельство было обусловлено благоприятной ситуацией в других отраслях хозяйства. Обеспечивая себя за счёт основного занятия – земледелия, крестьяне не нуждались в стороннем заработке.

Таким образом, выстраивается зависимость хозяйственной жизни крестьянства от нескольких факторов. Природно-географический оказывал наибольшее влияние – в волостях с крупными и плодородными земельными наделами крестьяне могли заниматься своим традиционным занятием, земледелием, и не искать сторонних заработков, обращаясь к промысловой деятельности. Климат оказывал влияние и на занятия крестьян – при благоприятных условиях, помимо выращивания хлеба, они развивали садоводство. Вместе с тем при невозможности обеспечивать свои нужды земледелием, крестьянин занимался промыслами, и здесь также природно-географический фактор оказывал влияние, формируя сферу внеземледельческой занятости.

Развитие капиталистических отношений в ходе активизации модернизационных процессов стало фактором, воздействовавшим на экономическое расслоение. Однако стоит отметить, что преобладание среднего зажиточного крестьянства даже в волостях, небогатых землёй, указывает на стабильное положение, отсутствие тенденций разложения.

На социально-экономическое развитие русской деревни значительное влияние оказывал психологический фактор. Ментальность крестьян, базировавшаяся на традиционных, консервативных установках ведения хозяйственной деятельности, определявшей весь уклад сельской жизни, выступала своеобразным тормозом на пути интенсификации развития аграрного сектора. Вместе с тем консерватизм в обозначенном контексте не стоит рассматривать как косное явление хотя бы в силу того, что он проистекал из здорового желания защитить свои интересы.

Комплексный характер крестьянского хозяйства прослеживается во всех рассмотренных волостях – там, где размер надела был крупным, вперёд выступала земледельческая отрасль, а животноводство и в большей степени промыслы играли вспомогательную роль. В волостях, где наделной пахотной земли было меньше, вперёд выходили внеземледельческие занятия. Отрасли комплексного крестьянского хозяйства, так или иначе, находились в зависимости друг от друга и имели взаимодополняющий и взаимозаменяемый характер. При этом основным занятием русского крестьянства Малмыжского уезда оставалось земледелие.

Список источников

1. **Анфимов А. М.** Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 208 с.
2. **Безгин В. Б.** Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 187 с.
3. **Волкова Л. А.** Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 388 с.
4. **Вятские губернские ведомости (Приложение к ВГВ).** 1901. № 152.
5. **Государственный архив Кировской области.** Ф. 575. Оп. 9.
6. **Ковальченко И. Д.** Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 506 с.
7. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1971. Т. 3. Развитие капитализма в России. 792 с.

8. **Лигенко Н. П.** Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60-90-е гг. XIX в.): монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1991. 176 с.
9. **Мартынова М. М.** Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. М. М. Мартынова. Ижевск, 1981. С. 3-44.
10. **Материалы по описанию промыслов Вятской губернии.** Вятка, 1898. Вып. V. 196 с.
11. **Материалы по статистике Вятской губернии:** в 12-ти т. М., 1886. Т. I. Малмыжский уезд. Ч. I. Материалы для оценки земельных угодий. 135 с.
12. **Материалы по статистике Вятской губернии:** в 12-ти т. М., 1886. Т. I. Малмыжский уезд. Ч. II. Подворная опись. 229 с.
13. **Мионов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин. 2000. Т. 1. 548 с.
14. **Рындзюнский П. Г.** Утверждение капитализма в России в 1850-1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.
15. **Садаков М. А.** Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. 1974. Вып. 2. С. 91-196.
16. **Сухова О. А.** Десять мифов крестьянского сознания: монография. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.). По материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 678 с.

**SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PEASANTRY
IN MALMYZHISKY DISTRICT OF VYATKA PROVINCE IN POST-REFORM PERIOD**

Baryshnikov Anton Vladimirovich

*Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko
ariox_v@mail.ru*

Relying on statistical data and archival sources the author examines the problems of the socio-economic development of the agrarian sector in one of the Volga-Ural regions in the post-reform period. By the example of the household of the Russian peasantry in Malmyzhsky district of Vyatka province the paper shows that rural life was determined by a number of factors. The studies of the Russian countryside at the micro-level have allowed the author to trace the mechanisms of inter-ethnic relations and their influence on socio-economic life, to reveal the peculiarities of peasant housekeeping.

Key words and phrases: post-reform period; peasantry; peasant economy; agriculture; animal breeding; trades; small commodity production; Vyatka province; Udmurtia.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 01.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.4.4>

В статье представлен ретроспективный анализ изменений, произошедших в деятельности библиотек закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) Урала в 1990-е гг. На основе опубликованных документов и архивных данных рассмотрены наиболее значимые явления в библиотечном деле, оказавшие влияние на жизнь населения таких ЗАТО, как Лесной, Новоуральск, Озерск, Снежинск и Трехгорный. Выбранный ракурс исследования позволил показать, что для библиотек уральских закрытых городов 1990-е гг. стали временем существенных организационных и технических изменений (переход в муниципальную собственность, изменения в структуре, информатизация деятельности, интеграция в российское культурное пространство).

Ключевые слова и фразы: библиотеки; закрытые административно-территориальные образования; Лесной; Новоуральск; Озерск; Снежинск; Трехгорный.

Константинова Альфия Гумаровна, к.и.н.

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
Технологический институт –
филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Лесной
alfijasharafullina@rambler.ru*

**БИБЛИОТЕКИ УРАЛЬСКИХ АТОМНЫХ ЗАКРЫТЫХ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1990-Х ГОДОВ**

События настоящего можно рассматривать как утрату того, что имелось в прошлом, и приобретение чего-то нового. Однако в постсоветской России паритет потерь и достижений грозил обернуться дефицитом последних. Библиотеки как одни из центров общественно-культурной жизни не могли находиться вне происходивших перемен, а значит и ситуации выбора ценностных ориентиров своей деятельности.

В 1990-е гг. в библиотеках закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) Урала, находившихся в ведении Министерства по атомной энергии Российской Федерации (ныне – Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»), происходили существенные качественные изменения как в статусном и организационном, так и в техническом плане.